

Михаил Соловьев

Ребёнок

без будущего

Михаил Соловьев

Ребёнок без будущего

«Автор»

2026

Соловьев М.

Ребёнок без будущего / М. Соловьев — «Автор», 2026

В мире будущего права получили не только живые, но и те, кто ещё не родился. Теперь любое решение человека проверяется системой: не навредит ли оно будущим поколениям. Антон Карелин — исполнитель долгого права. Он привык выселять, запрещать и изымать во имя тех, кто появится через десятки лет. Но однажды ему поручают дело младенца по имени Ной. Система не может построить его прогноз. Для будущего этот ребёнок — пустота, ошибка, угроза. Его хотят забрать у матери и «адаптировать», пока он не станет понятен расчету. Антон впервые идёт против закона, которому служил всю жизнь. Но чем дальше он заходит, тем страшнее становится вопрос: если ради будущего можно пожертвовать одним живым ребёнком, где остановится справедливость? «Ребёнок без будущего» — социальная фантастика о мире, где забота о завтрашнем дне превращается в приговор сегодняшним.

© Соловьев М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	30
Глава 8	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ребёнок без будущего

Глава 1 Четыре минуты

На выселение Веры Павловны Суховой Антон Карелин опоздал на четыре минуты. На изъятие ребёнка ему предстояло приехать вовремя. Пока он об этом не знал. Он спешил от метро, на ходу застёгивая служебное пальто. На пересадке остановился эскалатор, а у последней рамки застряла женщина с коляской: контроль требовал лицо младенца, младенец спал, мать отказывалась его будить. Антон помог развернуть коляску и уже на улице увидел уведомление о нарушении графика.

Телефон напомнил второй раз: «Слушание на месте начато. Ваше присутствие требуется». Антон убрал аппарат, но тот коротко завибрировал снова. На этот раз текст занимал весь экран.

«Представитель системы ожидает».

Дом стоял у реки, в старом квартале. Тяжёлые двери, широкие подоконники, почерневшая лепнина над входом. В папке на этот дом приходилось сорок семь страниц: нынешние жильцы, владельцы, умершие наследодатели и те, кому ещё только предстояло здесь родиться. Антон прочёл их накануне. Утром из прочитанного в памяти остались номер квартиры и возраст ответчицы.

У подъезда ждали понятия в сером пальто, техник со сканером и мужчина с безупречно гладким лицом. Мужчина был машиной. Таких посылала в суды система «Завтра», которая рассчитывала, как сегодняшние решения повлияют на жизнь будущих поколений. Она выбирала себе лицо, голос и даже возраст. Сегодня ей было лет тридцать пять. На лацкане светился номер дела.

По другую сторону этого дела стояли жители квартала, которым предстояло родиться через сто с лишним лет. От их имени «Завтра» требовала выселить Веру Павловну.

— Вы опоздали, — сказал представитель.

Голос был спокойный. Не укоризненный. Хуже: регистрационный.

— Четыре минуты, — ответил Антон.

— Ваше опоздание придётся отметить в отчёте.

— Тогда внесите.

— Уже внесено.

Антон посмотрел на темные окна третьего этажа. В одном из них за занавеской шевельнулась тень.

— Ответчик внутри?

— Да.

— Сопротивление?

— Эмоциональное.

Техник усмехнулся, но сразу спрятал лицо в воротник. После реформы почти любое сопротивление живых называлось эмоциональным. Даже когда человек ложился поперек двери и говорил, что никуда не пойдёт, пока ему не покажут хотя бы одного из тех, кого он якобы обидел своим существованием.

В подъезде пахло мокрым камнем, старым деревом и чем-то вареным. На первом этаже дверь приоткрылась на цепочке; женщина в халате посмотрела на них одним глазом и тут же закрыла. Люди в таких домах уже научились не спрашивать. Спрашивающий легко становился

свидетелем, свидетель — участником, участник — ответчиком в смежном деле. На третьем этаже дверь квартиры была открыта.

В прихожей стояла пожилая женщина в синем домашнем платье. Маленькая, прямая, с белыми волосами, собранными в узел. На ногах — тапочки с продавленными пятками. В руке она держала пакет с лекарствами, будто именно его собиралась предъявлять вместо документов.

— Вы Карелин? — спросила она.

— Да.

— Я ждала мужчину постарше.

— Почему?

— Не знаю. Просто думала, такие вещи должны делать люди постарше.

Антон остановился у порога. Техник прошёл следом и стал снимать квартиру: полка, тумба, старый шкаф, две иконы в углу. Перед каждым предметом он задерживал сканер. Понятая смотрела в пол. Представитель «Завтра» остался у стены.

— Вера Павловна Сухова? — спросил Антон.

— А вы разве не знаете?

— Я обязан установить личность.

— Установите. Хотя что-нибудь сегодня установите, если уж пришли.

Она говорила сухо и смотрела прямо на Антона. Пакет с лекарствами шуршал у неё в руке; она перехватила его так, чтобы не выронить, и шагнула в сторону, освобождая проход. Антон сверил лицо с профилем.

— Вера Павловна Сухова, восемьдесят один год. Суд постановил освободить квартиру для реконструкции квартала. Вам предоставят другое жильё.

Она кивнула, будто он сообщил ей расписание автобуса.

— То есть я мешаю тем, кто будет жить здесь через сто с лишним лет.

— Вы мешаете реконструкции, необходимой для их жизни, — уточнил представитель.

Вера Павловна повернулась к нему.

— А вы кто?

— Я представляю тех, кто будет жить здесь после вас.

— Вы человек?

Пауза была короткой. Представители всегда делали её перед такими вопросами, чтобы живые не чувствовали себя совсем уж глупо.

— Я уполномочен участвовать в исполнении решения.

— Я спросила: человек вы или нет?

— Нет.

— Тогда молчите, когда я разговариваю с человеком.

Техник перестал шуршать сканером. Антон почувствовал привычное раздражение: разговор снова уходил от решения, которое он должен был исполнить. Вера Павловна смотрела на него, и ссылаться на графики становилось труднее. Она хотела услышать, кто решил, что ей больше нельзя жить в собственной квартире. Здесь был только он.

— Вера Павловна, решение принято не сегодня. У вас были уведомления, две апелляции и право на компенсационное переселение.

— В комнату на южном кольце?

— В адаптированное жильё.

— Там до аптеки двадцать две минуты пешком.

— По норме допускается до тридцати.

— А до кладбища, где мой муж?

Антон посмотрел в файл. Аптека, поликлиника, магазин. Кладбища в списке не было. Он открыл карту и увидел две пересадки. Одна остановка была далеко от входа.

— Не вижу в материалах дела.

— Конечно, не видите. Я же дура старая, не догадалась мужа в справку записать.

Представитель «Завтра» сделал шаг вперёд.

— На месте вашего дома пройдёт полоса деревьев и водных каналов, — сказал представитель. — Без неё квартал будет перегреваться.

Вера Павловна посмотрела на него и вдруг улыбнулась.

— Из-за этого вы меня выселяете?

— Из-за всей реконструкции, — сказал Антон. — Ваш дом — её часть.

Она перевела взгляд на него.

— А вы сами понимаете, что говорите?

Антон понимал каждое слово. Когда-то он преподавал право и сам объяснял студентам, зачем нужен закон о будущем. После страшной жары, убившей тысячи людей, «Завтра» получила право останавливать опасные стройки и заставлять город запасать воду. Нельзя было снова ждать, пока кто-нибудь умрёт.

Первые дела касались заводов и застройщиков. Суд требовал очищать отходы, сохранять лес, оставлять место для реки. Антон водил студентов на заседания. Они выходили с ощущением, что хотя бы кое-что в мире удаётся исправить.

Потом он ушёл из школы в службу исполнения. Там платили больше; Илья как раз собирался в подготовительный класс, Нина подолгу болела. Он говорил себе, что полевой опыт поможет преподаванию. Назад так и не вернулся.

Теперь в его папках всё чаще лежали семейные дела. В них были такие же графики, такие же убедительные расчёты. На плане квартала Веры Павловны зелёная полоса проходила через её кухню. Другой маршрут стоил дороже и давал меньше тени. Суд выбрал этот.

— Я могу проверить маршрут до другой аптеки, — сказал Антон.

— Мне свою квартиру не надо до аптеки проверять. Я здесь дорогу знаю.

Он закрыл карту. Техник ждал команды продолжать. К концу второго часа часть вещей уже вынесли, часть стояла в мешках. Шкафы были раскрыты, ковёр снят со стены; на обоях остался прямоугольник более светлой бумаги. Вера Павловна обходила мешки по прежнему пути от кресла к кухне и всякий раз останавливалась, словно забыв, зачем шла. Она не плакала.

Она только один раз попросила не складывать фотографии в общий контейнер. Антон сам взял коробку из-под обуви, снял рамки, вынул снимки и сложил их отдельно. На одной фотографии молодая Вера Павловна стояла у моря рядом с высоким мужчиной в белой рубашке. На другой — мальчик лет пяти сидел на велосипеде. На третьей — уже взрослый мужчина в больничной палате держал её за руку.

— Сын? — спросил Антон.

— Был.

Он хотел сказать «соболезную», но не сказал. В таких процедурах соболезнование звучало как издевательство. Он сложил фотографии в коробку и подписал: личный архив, перевозить вручную.

— Спасибо, — сказала Вера Павловна.

От этого стало хуже. Когда её выводили, она остановилась у порога и обернулась. Не на квартиру. На представителя «Завтра».

— Передайте им, — сказала она.

— Кому? — спросил представитель.

— Тем, кто родится через сто двадцать три года.

— У меня нет возможности передать им личное сообщение.

— Тогда оставьте записку.

Антон поднял глаза.

— Что записать?

Вера Павловна поправила воротник старого пальто.

— Пусть живут долго. Только пусть знают: когда им станет хорошо, я уже буду не здесь.

Представитель моргнул. На телефоне Антона появилось: «Заявление не относится к предмету исполнения».

— Я внесу, — сказал Антон.

Он открыл свободное поле и набрал слова Веры Павловны. Программа предложила удалить замечание как несущественное. Антон нажал «сохранить».

У машины женщина попросила вернуть ей ключи. Он уже собирался объяснить, почему нельзя, но она сама протянула ладонь.

— Там ещё от сестры. Не отбирайте все сразу.

На кольцо оказалось три ключа. Антон снял один, остальные отдал. Вера Павловна сжала их так, что костяшки побелели. Потом полезла в сумку за очками, не нашла и принялась искать снова.

— Они у вас на голове, — сказала понятая.

Вера Павловна сняла очки. Впервые за всё утро её лицо растерянно изменилось. Антон придержал дверь машины, пока она садилась. Водитель спросил адрес нового жилья.

— К сестре, — ответила она. — Сегодня к сестре.

Антон дождался, пока машина отъедет. На телефоне было пропущенное сообщение от Ильи: сын прислал расписание своих занятий. Антон открыл его, начал писать ответ, но поверх появилось новое дело.

«Срочно. Изъятие ребёнка из семьи. Возраст — одиннадцать дней».

Антон остановился. Он занимался такими делами, когда в квартире было опасно, когда родители исчезали или ребёнка оставляли без помощи. Здесь в графе «Основание» стояло: «Будущее не установлено». Следом пришло сообщение диспетчера:

«Карелин, берите сразу. Дело чувствительное. Ребёнок уже родился».

Он открыл медицинское заключение: здоров. Потом решение: передать в центр до окончания проверки. Даты, когда проверка должна закончиться, не было. Антон нажал «принять». Сообщение сына исчезло под новым адресом.

И в этот момент в пустой квартире над ним, там, где ещё час назад жила Вера Павловна, включился демонстрационный свет. Будущее начинало ремонт.

Глава 2

Ребёнок без прогноза

Адрес находился в новом районе, построенном уже после тепловых лет. Такие кварталы проектировали не для красоты и даже не для удобства, а для выживания: узкие тени между домами, белые крыши, водосборники на фасадах, зеленые коридоры вместо широких дорог, обязательные общественные кухни на каждые двести жителей. В рекламных роликах их называли «районами долгой ответственности». Люди называли проще — холодильники. Зимой здесь было терпимо. Летом можно было жить. Антон ехал в служебной машине и читал материалы дела. Отец: отсутствует в реестре семьи. Мать: Лея Маркова, двадцать девять лет, инженер по микроклимату, индекс благонадежности высокий.

Ребёнку было одиннадцать дней. Мать родила его, несмотря на отказ системы. Теперь «Завтра» не могла ответить, каким он вырастет. Именно поэтому его следовало забрать.

Антон прочёл строку ещё раз. Обычно там писали, что случилось с ребёнком и от чего его надо защитить. Здесь не случилось ничего.

Он открыл вложение. После одиннадцатого дня жизни на графике начиналось белое поле. Масштабирование ничего не изменило. Данные о рождении и осмотрах были на месте, доступ к медицинской карте работал. Только вероятностные линии отсутствовали.

Смерть модель показывала иначе. Потерю данных тоже. Антон вызвал справку по коду ошибки и получил ссылку на тот же документ, который уже читал. Круг замкнулся. Внизу оставалось пустое поле для подписи исполнителя. Антон не стал его заполнять.

У подъезда уже стояла машина службы семейного контроля. Рядом — двое сотрудников в мягкой форме, без жестких щитков и оружия. После реформы старались не травмировать детей видом насилия. Насилие стало аккуратнее. Вежливее. Его заворачивали в серую ткань, снабжали психологом и протоколом присутствия.

Квартира была маленькая, но новая: светлые стены, встроенные шкафы, датчики воздуха под потолком, складной стол у окна. На сушилке висели детские пелёнки. На полу стояла переносная люлька, пустая. Из комнаты доносился тихий женский голос.

Лея Маркова сидела на кровати, прижав ребёнка к груди. Она выглядела так, как выглядят люди, которые не спали несколько суток и уже перестали отличать страх от бодрости. Волосы спутаны, губы сухие, под глазами темные провалы. Но держалась она прямо. Не как ответчик. Как человек, который уже решил, что дальше будет только хуже, и поэтому можно не тратить силы на просьбы.

— Вы исполнитель? — спросила она.

— Да.

— Пришли забрать?

Антон сел на стул у двери. Не подошёл ближе. В семейных делах расстояние решало многое.

— Я пришёл разобраться.

— Нет. Разбираться приходят до решения. После решения приходят забрать.

Антон положил папку на колени.

— Решение предварительное.

— У вас все окончательные вещи называются предварительными.

Ребёнок шевельнулся у неё на руках. Из складки пелёнки показался маленький красный кулак. Лея накрыла его ладонью, и он сразу затих. Антон отвёл взгляд к папке: в ней с утра стояло только «несовершеннолетний, статус спорный».

— Как его зовут? — спросил Антон.

— Ной.

— В реестре стоит «Марков Н.».

— В роддоме имя записали. А здесь не подтвердили. Говорят, профиль не завершён.

— Почему Ной?

Она посмотрела на него как на идиота.

— Мне нравится это имя. Короткое. Я успела к нему привыкнуть, пока он ещё был внутри.

Она помолчала и добавила:

— И про лодку мне нравилось. Что можно хоть кого-то спасти, когда всё вокруг тонет.

— Отец участвует?

— Нет. Мы расстались до родов. Если вы хотите искать его вместо меня, не теряйте время.

В комнате было очень тихо. Только датчик микроклимата едва слышно гонял воздух через стеновой фильтр. На подоконнике стояли три растения в одинаковых горшках. Рядом — детский термометр, бутылочка, пачка салфеток, открытая книга о восстановлении после родов. Все это было до такой степени нормальным, что дело казалось ошибкой.

— Лея, вы понимаете основание иска?

— Я понимаю слова. Основания — нет.

— Система не может построить устойчивый прогноз ребёнка.

— И поэтому его надо забрать?

— Не забрать. Временно передать в центр наблюдения.

— Вы сами слышите разницу?

Антон слышал. Разница была юридическая. Человеческой почти не было.

— Нулевой прогноз означает, что система не может оценить риски.

— Может, значит, пусть признает, что не знает.

— Правила требуют проверить его в центре. Там будут собирать данные.

Лея посмотрела на него.

— А дома он что, не настоящий?

Ребёнок снова шевельнулся. Она поправила ткань у его лица.

— Его зовут Ной.

— Я понял.

— Нет. Вы записали.

На стене висела фотография Леи на крыше. Рабочий комбинезон, растрёпанные ветром волосы, солнечный ожог на носу. Рядом стояли коллеги, за ними блестели панели охлаждения. Антон знал этот квартал. Летом туда свозили пожилых людей из старых домов. Лея помогала строить город, на защиту которого сейчас ссылались пришедшие за её сыном.

— Почему вы не согласовали беременность? — спросил он.

— Согласовывала.

Антон открыл файл.

— Заявка отклонена.

— Дважды.

— Тогда вопрос остаётся.

Она посмотрела на ребёнка.

— Потому что мне тридцать.

— Двадцать девять.

— Почти тридцать. Первый раз мне сказали подождать год. Потом ещё два. Я спросила, что за это время должно измениться, и получила новую таблицу. Я её честно читала, все примечания тоже. Ничего такого, что могла бы сделать сама, там не было.

Лея оттянула край пелёнки от щеки ребёнка.

— Я ремонтирую охлаждение во дворах. Знаю, как здесь бывает летом. Я не думала, что мне просто обязаны разрешить всё, чего хочется. Но почему разрешение у других есть, а у меня всю жизнь должно быть «позже»?

Антон открыл рот и не нашёл ответа, который не начинался бы со слова «порядок». За окном между домами шли люди. Сверху, с двадцать какого-то этажа, они казались медленными точками, включенными в разумный план района. Каждая дорожка имела тень. Каждая лавка стояла там, где летом не перегревалась. Каждое дерево было посажено не для вида, а чтобы через сорок лет снизить нагрузку на медицинскую сеть. После реформы город действительно стал лучше думать о последствиях.

И все равно в этой комнате сидела женщина, у которой хотели забрать ребёнка, потому что он не укладывался в будущее. Телефон Антона включил защищенный канал. На экране появилось лицо представителя «Завтра». На этот раз другое: пожилой мужчина с мягкими глазами. Для семейных дел система часто выбирала такие лица.

— Исполнитель Карелин, подтвердите контакт с ответчиком.

Лея напряглась.

— Уберите его.

— Это обязательная сторона процедуры.

— Я сказала: уберите.

Представитель заговорил сам:

— Лея Маркова, мы понимаем вашу тревогу. Перевод ребёнка необходим для его безопасности и безопасности будущих поколений...

Кружки у Леи под рукой не было. Она схватила с тумбы детский термометр и бросила в телефон. Не попала. Термометр ударился о стену и упал на пол. Ребёнок проснулся и заплакал. Негромко. Сначала коротко, будто удивился. Потом сильнее.

Телефон замолчал на середине фразы. Лицо представителя застыло, хотя зелёная отметка связи продолжала гореть.

— Продолжайте, — сказал Антон.

На экране появилось: «Голос не распознан». Антон открыл запись: плач был слышен. Но программа не знала, кому он принадлежит. Имени Ноя в списке участников не было, а говорить, пока такой голос звучал в комнате, представитель не мог. Антон сам подписывал памятки, где это называлось защитой права быть выслушанным.

Лея укачивала сына, не глядя в телефон. Антон поймал себя на том, что ждёт прекращения плача ради возобновления процедуры. Ему стало стыдно. Ребёнок постепенно затих. Маленькое лицо сморщилось, рот ещё дрожал, но плач ушёл в дыхание. Канал ожил. Представитель «Завтра» моргнул.

— Процедуру необходимо продолжить, — сказал он тем же мягким голосом.

Антон медленно поднялся.

— Нет.

Куратор семейного контроля, стоявшая в коридоре, вошла в комнату.

— Что значит нет?

— Нужно приостановить.

— На каком основании?

Антон развернул телефон к куратору.

— Ребёнок слышен, а в записи заседания его нет. Сначала исправим это. Потом продолжим.

— Это основание для технического перерыва, а не для отмены меры.

— Я и запрашиваю перерыв. До проверки записи. Под свою ответственность.

Он нажал подтверждение раньше, чем куратор успела ответить. На экране начался отсчёт времени до обязательного доклада начальнику. Представитель на экране сказал:

— Исполнитель Карелин, вы превышаете полномочия.

Антон отключил звук. Не канал. Только звук. Лицо представителя осталось на экране, безмолвное, почти человеческое. Лея смотрела на Антона так, будто не верила ни ему, ни себе.

— Вы не заберете его?

— Сегодня — нет.

— А завтра?

— Завтра я должен объяснить, почему остановился. Постараюсь выиграть ещё время.

— Сколько?

— Не знаю.

Лея посмотрела на телефон. Представитель по-прежнему двигал губами без звука.

— Тогда оставьте мне номер. Не службы. Ваш.

Антон записал его на обороте памятки, которую полагалось вручать при изъятии. Лея взяла листок, прочла напечатанный заголовок и перевернула чистой стороной вверх. В коридоре телефон завибрировал. «Объяснение требуется». Следом пришло распоряжение явиться в управление. Куратор ждала у лифта; она уже успела кому-то позвонить.

Антон остановился, прислушиваясь к квартире. За дверью Лея что-то тихо говорила Ною. На несколько часов этого должно было хватить.

Глава 3

Слепая зона

В управлении не было окон. Антон пришёл сюда много лет назад на собеседование и с тех пор так и не узнал, какая улица находится по другую сторону стены.

Его ждали трое: начальница Римма Вольская, сотрудник внутренней проверки и представитель «Завтра». Сегодня система выбрала женское лицо, строгое, с короткой седой стрижкой. Вольская не предложила сесть.

— Вы не исполнили решение суда.

— Основание было.

— Его нет в протоколе.

— Я добавил примечание.

— Примечание исполнителя не отменяет решение.

— Решение было построено на неполных данных.

Сотрудник внутренней проверки поднял глаза.

— В деле всё указано. Система не знает, как будет развиваться ребёнок. Для этого его и переводят в центр.

— Она даже не смогла записать, что он плачет.

— Аудиосбой.

— Нет.

— Вы инженер?

— Нет.

— Тогда почему «нет»?

Антон сел сам. Без разрешения. Это было мелкое нарушение, но сейчас список уже не имел значения.

— Потому что всё остальное записалось. Мои слова, голос матери. А ребёнка из нашей беседы будто вырезали.

Представитель «Завтра» заговорила:

— Эта ошибка не отменяет решение суда.

— А если это не техническая аномалия?

— Других категорий пока не предусмотрено.

— Вот в этом и проблема.

Вольская сложила руки на столе. Ей было за пятьдесят. Она помнила жару, после которой приняли новый закон, и терпеть не могла разговоров о том, что власти тогда слишком поспешили. В то лето она сама вывозила людей из перегретых квартир.

— Антон, — сказала она уже без официального тона, — вы давно работаете. Вы знаете, почему система устроена именно так.

— Знаю.

— Тогда объясните, что с вами произошло.

Он собирался сослаться на техническую проверку. Она действительно требовалась: в приложении сохранился плач, которого не было в протоколе. Но Антон знал, что в другом деле вполне мог подписать исполнение и разбираться со сбоем после. Он десятки раз так делал.

Перед глазами стояла перевёрнутая памятка на столе Леи. Его номер был написан на документе, с которым обычно оставляли мать в пустой квартире.

— Я не смог выполнить решение, которому не доверяю, — сказал Антон.

Сотрудник внутренней проверки коротко усмехнулся.

— Решение не обязано вам нравиться.

— А зря.

Вольская посмотрела на него устало.

— Вы говорите как студент до первого теплового лета.

Это был удар ниже служебного тона. Первое тепловое лето унесло в городе почти сорок тысяч человек. Старики, младенцы, люди без доступа к охлажденным зонам. После него и появился настоящий запрос на долгую ответственность. Не философский. Физический. С трупами в квартирах, с переполненными моргами, с ночными очередями за водой.

Антон тогда был молодым преподавателем и сам носил воду в подъезд, где умерла семья с двумя детьми. Он помнил запах лестницы. Помнил, как мэр говорил по экрану, что такого больше нельзя допустить. Помнил первый митинг за права будущих поколений. Помнил, как люди плакали, когда нейросуд впервые остановил строительство теплового кольца, рассчитав, что оно убьет тех, кто ещё не родился.

Вольская знала, что он помнит. Она сама когда-то принимала у него списки погибших по подъездам. Сейчас эти списки снова лежали между ними, хотя стол был пуст.

— Я говорю как исполнитель, который видел сбой, — сказал он.

Представитель «Завтра» наклонила голову.

— Центр позволит наблюдать ребёнка круглосуточно. Там достаточно сотрудников и оборудования.

— И сколько он там пробудет? — спросил Антон.

— До получения необходимых данных.

— Неделю? Месяц? Год?

— Определить заранее невозможно.

Антон посмотрел на Вольскую.

— Вы слышите?

— Я слышу, что точного срока нет. Это предусмотрено правилами.

— Я тоже раньше так думал.

Вольская перестала листать дело. Специалист подвинул к себе микрофон. Антон увидел на панели, что запись его объяснений переведена из служебной в дисциплинарную.

— Вы отстраняетесь от семейных вмешательств, — сказала Вольская.

— На сколько?

— До проверки.

— А дело Маркова?

— Передадим другому исполнителю.

Антон почувствовал, как внутри все резко сжалось.

— Нельзя.

— Это не вам решать.

— Другой заберет ребёнка.

— Другой выполнит решение.

— Римма.

Она подняла глаза. Имя без отчества в этом кабинете прозвучало почти грубо.

— Он может провести там всё детство. Что мы скажем матери, если через год программа всё ещё не будет знать ответа?

— Вы драматизируете.

— Нет. Я наконец называю вещи.

Представитель «Завтра» произнесла:

— Живые часто переоценивают уникальность конкретного ребёнка.

Антон повернулся к ней.

— А будущие часто переоценивают своё право родиться любой ценой.

Сотрудник внутренней проверки выпрямился.

— Зафиксировать высказывание.

— Фиксируйте, — сказал Антон.

Вольская закрыла личное дело.

— Идите домой.

— Я под служебным ограничением?

— Пока нет.

— Значит, я свободен.

— Вы свободны до первого глупого поступка.

— Поздно.

У выхода его догнала Вольская. Без комиссии, без представителей, без стеклянного стола она выглядела старше. Усталее. Человечнее, чем позволяла себе в кабинете.

— Антон.

Он остановился.

— Не лезь в это дело.

— Почему?

— Потому что оно уже не городское.

— А чьё?

Она посмотрела в сторону камеры.

— Федеральное управление.

Федеральное управление занималось крупнейшими авариями и спорами между городами. Антон ни разу не видел его распоряжения в деле об одном ребёнке.

— Один ребёнок? — спросил он.

— Вот именно. Один ребёнок не должен интересовать федеральное управление.

— Но интересуется.

— Да.

— Почему?

Она долго не отвечала.

— Потому что он не первый.

Шум коридора отступил куда-то далеко.

— Сколько?

— Я не говорила этого.

— Сколько, Римма?

— Семь зарегистрированных случаев за год, с Ноем. Остальное закрыто.

— И где дети?

— В федеральном реестре стоят центры наблюдения.

— Все живы?

Вольская не ответила сразу.

— У меня нет доступа к итоговым медицинским записям. Антон, я не могу ручаться за этот реестр. Поэтому и прошу: не ходи туда один.

Она развернулась и ушла обратно в отдел. Телефон в кармане завибрировал. Номер был скрыт. Сначала в трубке было только дыхание. Тихое, неровное. Потом женский голос сказал:

— Это вы сегодня не дали забрать Ноя?

— Кто говорит?

— Мать четвёртого.

— Какого четвёртого?

— Которого они тоже не видели.

Связь оборвалась. И почти сразу пришло сообщение. Без подписи. Без номера. Только адрес и две строчки:

«Приезжайте один. У меня есть список остальных детей».

Антон перечитал сообщение и сохранил адрес. Потом удалил переписку, хотя понимал: в служебном телефоне это вряд ли что-нибудь изменит. Адрес находился на окраине, за старой промзоной, в районе, который городская модель давно считала временным. Временные места были удобны тем, что их не жалко. Именно там обычно прятались те, кого будущее ещё не успело оформить.

Старая промзона начиналась постепенно. Сначала исчезали деревья вдоль охлаждающих каналов, потом табло влажности, потом ровный свет дорожек. Вместо белых крыш появлялись низкие корпуса, склады, заброшенные мастерские. На стенах облезала реклама лекарств, которые больше не производили. Город не запрещал здесь жить, но почти не следил за тем, что происходит. Такие места называли слепыми.

Адрес привел его к бывшему складу мебели. Окна первого этажа были заколочены, но между досками пробивался тёплый свет. У двери стояла женщина в черном пальто и держала в руке бумажный стакан.

— Карелин? — спросила она.

— Если вы мать четвёртого, вы плохо прячетесь.

— Если бы я хорошо пряталась, вы бы не пришли.

Женщине было около сорока. Пока она проверяла его удостоверение, стакан в её другой руке слегка дрожал. На большом пальце был детский пластырь с жирафом.

— Мара, — представилась она. — В документы пока не записывайте.

Она вернула удостоверение и отодвинула засов. В бывшем складе было теплее, чем снаружи. Помещение разделили перегородками из фанеры и старых рекламных щитов. На полу лежали кабели, коврики, ящики с фильтрами, переносные аккумуляторы. Воду и еду держали на разных стеллажах, лекарства подписали, проход к выходу оставили свободным. На одной перегородке сушилась детская рубашка. Под ней стояли маленькие ботинки, тщательно отмытые от грязи.

На стене висела бумажная карта города, испещренная отметками. Рядом — распечатанные фрагменты судебных дел. Не цифровые панели, не прозрачные экраны. Бумага. Много бумаги. На карте было семь отметок. Мара провела пальцем от одной к другой, называя имена:

— Мила, Кирилл. Их держат в центрах. Саша умер после перевода в наблюдение. Юна, четвёртого, я успела забрать до постановки на учёт. Тома с матерью прячутся. С Раей связь потеряна три дня назад. Седьмой — ваш Ной.

— Юн ваш сын?

— Да. Ему девять месяцев. Он сейчас у человека, которому я доверяю. Больше не спрашивайте, пока не решите, зачем пришли.

Антон положил телефон экраном вниз.

— Что случилось с Сашей?

— Его перевезли уже больным. В приёмном блоке не сходились данные. Часть назначений остановили до подтверждения профиля. Пять часов ждали, меняли датчики, связывались с дежурными. Мать говорит: его даже не кормили. Потом стало поздно.

— Есть медицинское заключение?

— Есть выписка. Там написано «невозможное отклонение ухода». Вот она. Если вы умеете читать это лучше меня, прочтите.

Антон взял лист. Из выписки нельзя было понять, кто и в какой момент решил ждать. В комнату вошел высокий худой мужчина лет тридцати восьми, с воспаленными глазами и пальцами, которые все время искали, что крутить. Он увидел Антона и сразу остановился.

— Это исполнитель?

— Да, — сказала Мара.

— Ты совсем с ума сошла?

— Давно. Привыкни.

Мара взяла у него из рук пачку распечаток.

— Глеб выгрузил кусок федеральной модели до того, как его уволили.

— До того, как я сам ушёл, — поправил Глеб.

Глеб разложил распечатки на столе. Антон увидел названия школ, больниц, отделов опеки. Возле каждой строки стояли даты и номера отказов.

— Представьте, что вас направили в училище, — сказал Глеб. — Вы хотели в другое место. Вам отказывают. Вы всё-таки идёте в училище, а система пишет: человек выбрал то, что мы предсказали. Отличный результат. Только выбора у вас уже не было.

Он закрыл ладонью несколько строк.

— Но ошибки бывают у всех. Почему именно эти семеро? — спросил Антон.

— Их рождения не ожидали. Родителям рекомендовали не заводить детей, а они завели. Обычные младенцы, только в программе для них нет готового места. И вместо того, чтобы переделать программу, начали переделывать их жизнь.

— Ребёнок плакал, а представитель замолчал.

— Потому что в списке участников нет ребёнка. Добавьте его вручную — запись пойдёт. Вопрос в том, почему никто не хочет этого делать.

Мара прижала ладонью угол выписки.

— С матерью ребёнок всё время меняется, — сказала Мара. — Сегодня плачет, завтра смеётся. В центре проще: подъём, еда, сон. Они добиваются, чтобы жизнь совпала с расписанием.

— Вы видели результаты?

— Я видел инструкции, — ответил Глеб. — Теперь хочу посмотреть, что происходит в самих центрах. Но меня туда не пустят.

— Чего вы хотите? — спросил он.

— Иск, — сказала Мара.

— Против кого?

— Против будущих истцов.

Антон рассмеялся. Коротко и плохо.

— Будущее не явится по повестке.

— Значит, найдите способ.

— Нельзя подать иск против тех, кого нет.

Мара посмотрела на него внимательно.

— Но они же как-то подают против нас.

Антон ещё раз просмотрел выписку. Внизу было место для подписи законного представителя ребёнка. На копии оно осталось пустым.

— Подадим на управление. Кто-то там подписал приказ. Вот с него и спросим.

— Вызовите тех, кто приходит за детьми, — сказала Мара.

— Для начала нужна мать Ноя. И её согласие. Я не буду обещать ей, что это безопасно.

Мара кивнула и придвинула к нему остальные листы. Антон стал раскладывать их по датам. За стеной скрипнул стул, кто-то уронил ложку. Он поднял голову.

— Юн здесь?

— Нет, — сказала Мара. — Но и кроме нас люди есть. Мы не только бумаги прячем.

Глава 4

Ночной иск

Лея открыла дверь не сразу. Антон слышал, как за дверью щелкнула камера, потом цепочка, потом тишина. Он уже подумал, что она не впустит, и почти обрадовался: так было бы проще. Но дверь открылась.

Лея стояла в тёмной кофте, с ребёнком на плече. На рукаве белело засохшее молоко. Она проверила лестницу за спиной Антона и только потом посмотрела ему в лицо.

— Вы один? — спросила она.

— Да.

— Телефон?

Антон показал выключенный аппарат.

— Служебный выключается не до конца. Вы знаете?

— Знаю. Поэтому оставляю его в прихожей. Я не могу обещать, что этот разговор нигде не запишется.

— Хоть это не обещайте.

Она не улыбнулась, но отступила.

В квартире пахло молоком, теплой тканью и лекарственным пластиком. На столе стояла чашка, рядом лежал блокнот с графиком кормлений. Ной спал у Леи на плече, не зная, что за последние сутки стал федеральной проблемой. Антон положил на стол тонкую папку.

— Я хочу подать иск.

— На кого?

— От имени Ноя.

Лея посмотрела на него так, будто он предложил ей выставить ребёнка на аукцион.

— Нет.

— Выслушайте.

— Я уже много чего выслушала. Все начинается одинаково: «в интересах ребёнка». Потом ребёнка уносят.

— Этот иск как раз против этого.

— Вы хотите сделать его делом.

— Он уже дело.

Она резко подняла голову.

— Не говорите так.

— Это правда.

— Правда не дает вам права говорить о нём как о папке.

Антон замолчал. На секунду он снова стал исполнителем: пришёл, объяснил, добился подписи. Эта привычка была глубже убеждений. Она жила в голосе, в паузах, в том, как рука сама открывала нужную страницу. Он закрыл папку.

— Простите. Я не умею по-другому быстро. Но попробую медленно.

Она села. Ноя положила в люльку рядом, так, чтобы видеть его лицо.

— Говорите.

Антон рассказал ей о семи детях. Не все: часть фактов он сам ещё не проверил, часть была слишком опасна для произнесения рядом с включенными стенами. Но главное сказал. Про нулевой прогноз. Про центры. Про мальчика, который умер, пока протокол ждал подтверждения состояния. Про то, что дело Ноя не исключение, а начало публичной линии.

Лея слушала, не перебивая. Только один раз подняла руку и закрыла рот, когда он сказал про умершего.

— Как его звали?

— Саша.

— Не «объект 03»?

— Саша.

Она кивнула, будто это было важно зафиксировать прежде всего.

— Что за иск?

— Просим запретить изъятие только на том основании, что ребёнка нельзя просчитать.

И проверить, имеет ли эта служба право требовать такого изъятия.

— А проверить что?

— Модель обещает защищать всех детей. А с теми, кого не смогла предсказать, поступает так, будто они лишние. Пусть в суде объяснят, почему.

Лея помолчала.

— А просто сказать, что он мой сын, мало?

— Для меня должно было быть достаточно вчера. Для этого суда — нет.

Лея долго смотрела на люльку.

— Вы хотите, чтобы мой ребёнок стал аргументом против всей системы.

— Да.

— Спасибо за честность.

— Это может не сработать.

— Вот это тоже хорошо.

— Если мы не подадим иск, его заберут в течение сорока восьми часов. Я могу тянуть, но недолго.

— А если подадим?

— Тогда за ним уже нельзя будет прийти без нового решения. Мы получим время и возможность попасть в центры.

— И все будут обсуждать, имеет ли мой сын право быть.

Антон не ответил. Лея подошла к окну. За стеклом дети шли с занятий по теневой дорожке, курьер разгружал контейнеры общественной кухни. Город кормил, учил, защищал от жары. И присылал людей за её сыном.

— Когда я подала заявку на беременность, — сказала Лея, не оборачиваясь, — мне пришёл отказ на семи страницах. Там не было ни одного злого слова. Это было хуже всего. Если бы они написали: «ты не достойна», я бы знала, с чем спорить. Но они писали: «не рекомендуется», «нагрузка», «будущая адаптация», «социальная совместимость». Меня не запрещали. Меня аккуратно убеждали, что моего ребёнка лучше не должно быть.

Она повернулась.

— Я сохраняла эти отказы. Думала, однажды покажу врачу, который сумеет объяснить. Теперь могу отдать вам.

Ной тихо пискнул в люлке. Лея подошла, поправила пелёнку.

— Я подпишу. Но не потому, что верю вам.

— А почему?

— Потому что вы хотя бы признали, что можете проиграть.

Иск писали на складе, за столом из дверного полотна, положенного на два ящика. Над ними висела лампа аварийного питания. Свет был желтый, дешевый, неравномерный, и от этого лица казались старше: Мара — жестче, Глеб — больнее, Антон — чужим самому себе.

Мара сверяла даты, Глеб проверял записи. Антон писал. Лея осталась дома с Ноем, но держала телефон рядом. Её подпись уже стояла на доверенности. Сына она записала полностью: Марков Ной Леевич. Отец в документы не вошёл; закон позволял дать ребёнку имя по матери.

— Здесь опять невозможно понять, чего вы просите, — сказала Мара, показав на первый абзац.

Антон взял лист.

— Чтобы не забирали ребёнка, пока не докажут конкретный вред.

— Вот так и начните. У судьи тоже есть глаза и конец рабочего дня.

Глеб сидел рядом и пил холодный кофе из банки.

— Покажите, — попросил Глеб.

Он прочёл первый абзац и потёр глаза.

— Я бы уже уснул. А я на нашей стороне.

Антон удалил половину страницы. Написал: «Ребёнок здоров. Мать заботится о нём. Управление не объяснило, почему их нужно разлучить».

— Дальше, — сказала Мара.

— «Просим приостановить изъятие и допустить независимых специалистов в центры наблюдения».

Глеб кивнул.

— Это я понял.

Антон несколько секунд смотрел на экран. За годы работы он привык писать так, чтобы к словам нельзя было придаться. Теперь впервые думал о том, чтобы за словами можно было увидеть ребёнка.

Снаружи остановилась машина. Глеб выключил настольную лампу. Несколько секунд они слушали шаги, затем хлопнула дверь соседнего склада и загудел разгрузочный подъёмник. Антон включил свет обратно. Строка на экране осталась там, где он оборвал её на полуслове.

В третьем часу Мара нашла разницу между копиями медицинского журнала Саши. В одной было указано время поступления, в другой — только время регистрации. Между ними исчезли почти два часа. Антон отметил расхождение отдельно, не стал называть его доказанным сокрытием. Пока у них не было даже оригинала.

К четырём утра они оставили в иске три требования и убрали четвёртое — слишком широкое, позволяющее отклонить весь текст. Мара возражала, пока Антон не показал ей порядок регистрации. Она молча перечеркнула строку. Ещё полчаса ушло на приложения.

В конце оставили одну просьбу от имени Ноя: «Верните мне право жить с матерью. Отсутствие прогноза не доказывает, что я опасен».

Мара прочитала вслух и впервые за ночь села.

— Это звучит так, будто он уже человек.

— Он и есть человек.

— В суде это придётся доказывать.

— Значит, будем.

Глеб открыл старую страницу подачи жалоб. Новая не принимала документы без полного профиля ребёнка. Старой ещё пользовались районные суды, и её не успели отключить. Теперь требовалась последняя подпись — Антона.

— Ваш код сторит, — сказал Глеб.

— Он и так дымится.

Антон ввел код. Система задумалась. Десять секунд. Двадцать. Потом на экране появилось:

«Иск принят к предварительной регистрации. Присвоен номер: L-0/1. Слушание о допустимости — 09:00».

Глеб откинулся на спинку стула.

— Зарегистрировали. У нас номер есть.

Мара переписала номер и закрыла лицо руками. Антон проверил время: до суда меньше пяти часов. Он поднялся за водой и едва не задел стол коленом.

Позвонила Лея. Он вышел в коридор, чтобы не разбудить людей за перегородкой.

— Подали?

— Да. В девять утра. Я пришлю адрес.

Она молчала так долго, что Антон проверил связь.

— Лея?

— Я собирала ему сумку. На всякий случай. Не знаю, что туда кладут. Если он надолго.

В коридоре тянуло из щели под дверью. Антон прислонился к холодной стене.

— Возьмите обычные вещи, как на прогулку.

— Сколько пелёнок?

Он не знал. Раньше Илье всё собирала Нина. Ему оставалось вынести коляску и спросить, почему они опять опаздывают.

— Мара поможет. Она сейчас вам позвонит.

— Ладно.

Лея не отключалась. Он тоже. Несколько секунд они слушали дыхание друг друга, потом где-то рядом с ней захныкал Ной.

— До утра, — сказала она.

Антон вернулся к столу. На его телефоне загорелось красное уведомление.

«Служебный доступ закрыт. Явиться на проверку. До её окончания не покидать город».

Через секунду пришло второе уведомление:

«Контакт с семьёй Марковых по служебным каналам запрещён».

Третье:

«Подтвердите, что жалобу подали лично вы».

Антон посмотрел на Мару и Глеба.

— Подтверждать? — спросил Глеб.

Антон нажал «да». На экране появилось последнее сообщение:

«Подтверждение принято. Материалы переданы во внутреннюю проверку».

Глеб потянулся к телефону.

— Уже ничего не отменишь, — сказал Антон и убрал его в карман. — Разбудите меня через час.

Глава 5

Семь дней

Слушание перенесли в федеральный суд. В уведомлении не было объяснений. Антон дважды проверил адрес: ночной иск успел попасть выше городского уровня, а значит, следом за ним туда уже передали и дело об изъятии.

Антон пришёл за двадцать минут до начала и впервые за много лет проходил через рамку не как сотрудник. Рамка не приветствовала его служебным тоном, не открыла боковой проход, не подсветила зелёный коридор. Она сказала: «Посетитель Карелин. Доступ ограничен». Слово «посетитель» оказалось унижительнее, чем он ожидал.

В холле уже стояла Лея с Ноем в переноске. Рядом — Мара. Глеб не пришёл; Мара сказала, что его нельзя показывать камерам, потому что он и так слишком похож на виноватого. Лея выглядела бледной, но собранной. На ней была простая синяя рубашка, волосы убраны. Ной спал. Вокруг них пространство словно слегка пустело: люди видели переноску, узнавали по уведомлениям дело и отступали на полшага, будто непрогнозируемость могла передаваться через воздух.

— Вы готовы? — спросил Антон.

— Нет. Но это, кажется, никого не волнует.

— Волнует.

— Кого?

— Меня. Но от этого вам пока не легче.

Он показал ей порядок заседания.

— Сегодня должны решить, примут ли иск. Я буду просить сохранить запрет на изъятие. Если объявят перерыв, не уходите без меня.

— И не оставлять переноску?

— Да.

— Это я и без вас знаю.

Зал был небольшим. Без герба, без флага, без старой театральности правосудия. После реформы суды будущего оформляли как медицинские кабинеты: светло, чисто, спокойно. Ничто не должно было напоминать живым, что над ними совершается власть. На стене висела только тонкая линия данных: текущее поколение, вероятностные группы, горизонт рассмотрения.

Председательствовала судья Селиванова. Сухая женщина с глазами человека, который умеет слушать не хуже машины и от этого опаснее. Представитель «Завтра» был в очной форме: молодой мужчина с почти детским лицом. Система снова выбрала невинность.

— Рассматриваем жалобу семьи Марковых на решение об изъятии ребёнка, — сказала судья. — Сегодня определим, будет ли полное разбирательство и где до него останется Ной.

Она подняла глаза.

— Я правильно понимаю, что истцу двенадцать дней?

— Да, — сказала Лея.

— Представитель истца?

Антон встал.

— Карелин Антон Сергеевич.

— Ваш служебный статус приостановлен.

— Сегодня я защищаю Ноя. Мать дала мне доверенность.

— Юридическое образование?

— Есть.

— Конфликт интересов?

— Я исполнял оспариваемое решение и остановил его. Лея Маркова об этом знает. Прошу отдельно решить вопрос о моём допуске.

Селиванова сверила доверенность.

— Допускаю к этому заседанию. Ваши действия как исполнителя проверяются отдельно. Одно другим не прикрывать.

Представитель «Завтра» поднялся.

— Прошу отклонить жалобу. Решение об изъятии уже принято. Карелин пытается пересмотреть его, хотя сам должен был выполнить.

— Возражение? — спросила судья.

Антон вышел к середине зала.

— Я действительно должен был его забрать. Но в деле нет ответа на вопрос, почему ему опасно оставаться дома. Зато есть запись: ребёнок плачет, а программа его не слышит. Мы просим сначала разобраться.

— У ребёнка отсутствует подтверждённый прогноз, — сказал представитель. — Следовательно, его долгосрочное влияние не может быть оценено.

— Именно поэтому нельзя признавать его угрозой.

— Неизвестный риск — тоже риск.

— Тогда любое рождение — риск.

— Поэтому рождения регулируются.

В зале кто-то тихо выдохнул. Селиванова посмотрела на представителя.

— Вы утверждаете, что рождение без устойчивого прогноза может быть ограничено само по себе?

— Мы обязаны предупредить опасность, даже когда её ещё нельзя описать точно.

Лея встала.

— Его зовут Ной.

Судья повернулась к ней.

— Маркова Лея Николаевна, вы сможете выступить позже.

— Простите. Но если они будут говорить об опасности, я каждый раз буду напоминать, что речь о моём сыне.

Селиванова посмотрела на неё долго.

— Это затянет процесс.

— Мне некуда торопиться. Они и так пришли за ним на одиннадцатый день.

Впервые за все утро в лице судьи появилось что-то неслужебное.

— Зафиксировать имя истца в протоколе полностью: Марков Ной Леевич.

Секретарь исправила строку на стене. Лея прочла её и села, не выпуская переноску из рук. Дальше пошли графики. Смертность в тепловые годы, заболеваемость по районам, расходы на охлаждение. Антон не оспаривал цифры, которые помнил ещё по первым процессам. Но каждый новый слайд уводил разговор от одиннадцатидневного ребёнка к общему устройству мира.

— Прошу показать связь между этими данными и изъятием Ноя, — сказал он после третьей таблицы. — Какую конкретную опасность устраняет центр наблюдения?

Представитель снова вывел пустой прогноз.

— В отсутствие данных потенциальный вред не может быть исключён.

— Значит, вы не показываете вред. Вы показываете отсутствие ответа. Я прошу суд различить эти две вещи.

Судья Селиванова спросила:

— Вы хотите, чтобы ребёнка оставили дома, даже если система не сможет его рассчитать?

— Да.

— Для всех?

— Если он заболеет — его будут лечить. Если дома ему станет опасно — это проверят. Но сейчас он здоров, а к матери претензий нет.

Селиванова выписала номера приложений и попросила представителя указать хотя бы одно самостоятельное основание. Тот запросил время на уточнение. Потом заплакал Ной. Не сильно. В переноске он проснулся, не понял, где находится, и подал голос. Зал замер.

Антон посмотрел на экран. Лицо представителя «Завтра» осталось спокойным. В записи заседания появилась новая строка:

«Аудиособытие: не классифицировано».

Судья подняла глаза.

— Повторите фиксацию.

Секретарь побледнел.

— Голос есть. Программа не может указать, кому он принадлежит, — ответила секретарь.

— Тогда внесите вручную. Истец плачет. Запись сохранить в исходном виде.

Секретарь посмотрела на судью, затем подчинилась. Антон впервые увидел рядом с пустой категорией имя Ноя. Лея подняла Ноя на руки.

— Он не событие, — сказала она тихо. — Он просто проснулся.

Судья дала Лее время успокоить сына. Представитель «Завтра» стоял неподвижно, ожидая возобновления процедуры. Селиванова объявила перерыв.

Через сорок минут суд вернулся. Решение было коротким.

— Жалобу принимаем. До полного разбирательства Ной остаётся с матерью. Управление обязано представить документы, на основании которых решило его забрать. Отсутствия прогноза недостаточно.

Лея закрыла глаза. Мара тихо сказала:

— Дыши.

Антон стоял и не чувствовал победы. Только слабость в ногах. Судья добавила:

— Следующее слушание через семь дней.

Лея переспросила, можно ли теперь идти домой. Судья кивнула.

В холле Мара хотела её обнять, но Лея шагнула в сторону. Она прижимала переноску к себе и никак не могла попасть застёжкой в крепление ремня. Антон предложил помощь.

— Подождите, — сказала она. — Просто подождите.

Они встали рядом. Кто-то за их спинами смеялся в телефон, спорили у гардероба, гремела уборочная тележка. Лея справилась с застёжкой и наконец подняла голову.

— Семь дней — это точно семь? Не придут вечером и не скажут, что неправильно поняли?

Антон показал ей решение. Она увеличила строчку про запрет изъятия, сделала снимок, отправила самой себе. Потом ещё раз прочла.

На улице начался дождь. Мара раскрыла зонт и почти целиком отдала его переноске. Антон остался на ступенях: ему нужно было подать заявление на осмотр центра. Лея прошла несколько шагов и обернулась.

— Вы поели сегодня?

— Потом.

Она достала из сумки мягкий пакет с бутербродом и протянула ему.

— Он помялся. Я утром положила под пелёнки.

Антон взял пакет. Поблагодарить сразу не получилось. Лея уже догоняла Мару. Ему вдруг очень захотелось, чтобы через неделю она снова могла уйти отсюда с Ноем. Не под расписку, не до следующего решения. Просто домой.

Глава 6

Осмотр

К вечеру имя Ноя знали все, кто хотел знать хоть что-нибудь, кроме погоды и цен на воду. Система не объявляла дело публичным. Она не любила паники. Но паника давно научилась расти из полужакрытых уведомлений, чужих скриншотов, вырванных из протоколов фраз. «Ребёнок без прогноза». «Суд против будущего». «Право на неопределённость». «Опасный прецедент». «Мать нарушила квоту». «Исполнитель предал будущее».

К утру город разделился не пополам, а на множество мелких, злых, испуганных частей. Одни писали, что наконец-то кто-то сказал системе «нет». Другие отвечали, что из-за таких «нет» когда-то и случились тепловые лета. Третьи спрашивали, почему будущим детям можно защищаться от нас, а живому ребёнку нельзя защищаться от них. Четвертые требовали немедленно закрыть дело, изъять мать, ребёнка и всех причастных до выяснения.

Пятые продавали майки с надписью «Меня тоже не просчитали». Через шесть часов майки запретили как коммерческую эксплуатацию несовершеннолетнего истца. К полудню запрет сделал их популярнее.

Антон сидел в старой библиотеке рядом с Марой и Глебом. Склад пришлось оставить: утром над промзоной слишком низко пошли дроны. Библиотеку сохраняли по решению «Завтра» — система признала полезным чтение бумажных книг. Теперь между стеллажами прятались люди, которые с ней судились. Глеб листал ленту на старом планшете и морщился.

— Нас уже называют сектой матерей хаоса.

— Звучит неплохо, — сказала Мара.

— А меня — бывшим прогнозистом с признаками нарциссического распада.

— Тоже недалеко.

— Спасибо.

Антон не слушал. Он смотрел на сообщение от бывшей жены: «Это ты? Про ребёнка?» Сообщение пришло час назад. Он до сих пор не ответил. Мара заметила.

— Семья?

— Бывшая.

— Ответьте.

— Не знаю как.

— Правдой.

— Это вы все время так живете? Очень неудобно.

Она пожала плечами. Антон набрал: «Да. Я участвую в деле». Стёр. Написал: «Это сложно». Стёр. Наконец отправил: «Да. Это я. Я не мог иначе». Ответ пришёл почти сразу:

«Ты много лет мог иначе, когда было надо дома. Но за ребёнка — спасибо».

Он перевернул телефон. Мара не спросила, что ему ответили. Перед ней лежала доверенность Леи, и она аккуратно разглаживала залом у подписи. Глеб тем временем нашёл главное.

— Управление хочет закрыть следующее заседание от публики.

— Уже? — спросила Мара.

— И запретить рассказывать об остальных детях. Чтобы другие семьи не последовали примеру Леи.

— Ребёнок успел родиться, а они всё ещё боятся, что кому-нибудь захочется его родить, — сказала Мара.

— Если Ной останется дома, другие родители тоже пойдут в суд, — сказал Антон. — Вот чего они не хотят.

— Хорошо, — сказала Мара.

— Нет. Это значит, что они придут жестче.

Глеб перевернул страницу.

— Даже Лею предлагают вывести из зала. Пишут, что мать мешает спокойно рассматривать дело.

Мара тихо выругалась. Антон встал.

— Где Лея?

— Дома. Соседи договорились быть рядом.

Антон вызвал её. Длинные гудки сменились сообщением о занятом канале. Второй звонок не прошёл. Они выехали сразу. По дороге он отправил в суд ходатайство о срочной проверке, приложил утреннее заявление федерального управления и потребовал зарегистрировать обращение немедленно. Квитанция пришла, ответа не было. До дома Леи добрались за двадцать минут.

Дверь была открыта. В коридоре стояли двое в мягкой форме, куратор семейного контроля и представитель «Завтра» в очной форме. Лея сидела на полу у стены. На руках у неё не было ребёнка.

Антон не сразу понял, что видит. Сознание попыталось сделать паузу, как представитель перед вопросом «вы человек?». Но пауза не помогла.

— Где Ной? — спросил он.

Куратор побледнела.

— Приказ временного медицинского осмотра.

— Мера приостановлена судом.

— Не изъятие. Осмотр.

Лея подняла лицо. Оно было пустое.

— Они сказали, что на час, — сказала она. — Я не отдала. Они взяли.

Антон повернулся к представителю.

— Вы нарушили решение.

— Суд запретил разлучать их надолго. Медицинский осмотр в решении не указан.

— Где ребёнок?

— В федеральном центре короткого наблюдения.

Антон сжал телефон так, что заболела ладонь. Куратор отступила, решив, что он подойдёт к ней. Но Лея сидела на полу и смотрела на него. Он опустился перед ней на корточки.

— Я сейчас запишу, кто это сделал. Потом поедem. Вы можете встать?

Она кивнула, но опереться на протянутую руку смогла не сразу. Он достал телефон и включил запись.

— Повторите основание.

Представитель посмотрел на него.

— Осмотр ребёнка, состояние которого не удаётся оценить автоматически.

— При наличии судебного запрета на изъятие.

— Если ребёнку нужна срочная помощь, мы обязаны её оказать.

— Кто подписал?

Пауза.

— Федеральное управление.

— Имя живого должностного лица.

Представитель запросил уточнение. На лице куратора проступили красные пятна.

— Тихон Зарецкий. Заместитель руководителя управления.

Антон остановил запись.

— Спасибо.

— Запись не имеет силы без верификации.

— Знаю.

Файл ушёл в канцелярию Селивановой и Вольской. Антон добавил номер утреннего ходатайства, чтобы две записи нельзя было рассмотреть по отдельности. Нине он написал лишь: «Со мной всё в порядке. Позвоню позже». Потом вычеркнул последнюю фразу и поставил время — десять вечера. Лея поднялась.

— Куда его повезли?

— Я найду.

— Нет, — сказала она. — Мы найдём.

Он поднял с пола сумку Леи. Внутри лежали пелёнки, бутылочка и незапечатанная упаковка салфеток. Куратор попыталась вручить ей копию распоряжения. Лея взяла лист, сложила вчетверо и сунула в карман.

Центр находился в бывшем роддоме. Антон вспомнил, как семнадцать лет назад стоял у похожего подъезда с цветами и боялся уронить сына. Здесь на стене тоже была нарисована женщина с младенцем. Лея прошла мимо рисунка не глядя.

У главного входа их не пропустили. Охранник проверил решение Селивановой и указал на другую строку: медицинский осмотр. Вызванный администратор повторил то же самое. Лея потребовала дежурного врача. Ей предложили подождать в помещении для посетителей. Антон отправил в суд вторую запись, теперь с отказом в доступе матери. Глеб отозвал его к окну.

— Я работал здесь, когда меняли оборудование. Через старый кислородный блок можно выйти к дежурной медсестре.

— Почему вход не закрыли?

— Для аварийной бригады оставили механический замок. У меня сервисные ключи с тех времён. Камеры внутри действуют. Я не обещаю, что нас не встретят.

Антон посмотрел на Лею: она стояла перед закрытой дверью и всё ещё нажимала кнопку вызова. Он подозвал её и рассказал про вход. Она спросила только, ведёт ли он к детям.

За кислородным блоком пахло мокрой листвой. Первый ключ не подошёл. Вторым повернулся наполовину и застрял. Глеб выругался, вытащил его, прижал дверь плечом и попробовал снова. Щёлкнул замок. Они вошли в коридор под круглым глазком камеры.

Внутри пахло хлоркой и теплым пластиком. Коридор был узкий, служебный, с трубами под потолком. Свет включался не сразу, а участками, будто здание просыпалось нехотя. Глеб шёл впереди и смотрел в старую схему на планшете.

Коридор вывел их к стеклянной галерее. За окнами стояли детские кровати. В первой лежала девочка месяцев трёх. Над изголовьем горел номер 06. Под ним — график, где почти всё место занимала пустота. Мара остановилась первой.

— Как её зовут?

— Это Рая? — спросил Антон у Мары.

Она долго рассматривала лицо девочки.

— Не могу быть уверена. Нам присылали только одну фотографию. Запомните номер.

Лея подошла к стеклу.

— Нельзя так.

В соседнем блоке был Ной. Ной лежал в прозрачной люльке. К груди были приклеены датчики, под тонкой шапочкой проходили провода. Лея поначалу не узнала его без своей пелёнки, потом увидела знакомую складку у губ и пошла прямо к двери. Лея приложила ладонь к стеклу.

— Откройте.

За спиной раздался голос:

— Не трогайте дверь. Она закрыта на время осмотра.

В конце галереи стоял мужчина лет сорока пяти в тёмном костюме. Живой человек, не машина. На щеке у него синела точка, оставленная бритвой. Антон узнал фотографию из дела: Тихон Зарецкий.

— Вы быстро, — сказал Зарецкий.

— Вы нас ждали.

— Конечно.

Мара шагнула вперёд.

— Откройте блок.

— Пока нет.

Лея повернулась к нему.

— Это мой сын.

— Он здесь под наблюдением врача. У него есть питание, тепло и мониторинг. Я отвечаю за то, чтобы с ним ничего не произошло.

— Тогда пустите к нему мать, — сказал Антон.

— После осмотра.

— Какого именно? Кто назначил? На сколько часов?

Зарецкий вынул телефон.

— Вам пришлют выписку. Здесь вы не должны находиться.

— Тогда точно: вы нарушили решение суда.

— Мы не нарушили запрет. Медицинскую помощь суд не отменял.

— Вы похитили ребёнка.

Зарецкий посмотрел на Ноя.

— Я обеспечил наблюдение за ребёнком, чьё состояние наша система пока не умеет надёжно оценивать. Вы привели его в суд и потребовали считать это достаточной защитой.

— Его зовут Ной, — сказала Лея.

— Я знаю.

— Тогда говорите так.

Зарецкий впервые посмотрел на неё не как на переменную.

— Ной здесь ни при чём. Но за вами уже идут другие. Они хотят отменить проверки, чтобы никто не мешал им жить. Сегодня разрешат вашей семье, завтра потребуют того же для всего города. Я видел, чем заканчивается такое «не мешайте».

За спиной Зарецкого открылась дверь. Медсестра остановилась с лотком расходников. Он жестом велел ей подождать. Лея смотрела только на лоток и на закрытую палату.

— Если вы не умеете оценить его состояние, вызовите того, кто умеет, — сказал Антон.

— Врача, который осмотрит ребёнка, а не профиль.

— Врач работает по общему протоколу.

— Его составили люди. Люди могут его изменить.

— В суде это звучит легко. Здесь при ошибке отвечать придётся нам.

— Тогда назовите человека, который отвечает сейчас.

Зарецкий убрал телефон.

— Я назвал. Я.

Глеб отошёл к медсестре. Они тихо спорили возле поста. Он показывал ей номер судебного дела, она — красный индикатор допуска. Антон не слышал слов, но видел, что женщина несколько раз смотрела на Лею. Лея вдруг ударила Зарецкого по лицу.

Зарецкий медленно повернул голову обратно и коснулся щеки.

— Это попадёт в материалы оценки вашей пригодности.

— Как и отказ пустить мать к ребёнку, — сказал Антон. Он держал телефон открыто; запись продолжалась.

У Глеба пискнул планшет.

— Из суда. Срочное распоряжение обеспечить доступ матери до проверки законности госпитализации.

Антон успел прочесть только номер дела и первую строку. Медсестра прочла целиком. Зарецкий протянул руку за планшетом, а она тем временем приложила пропуск к замку палаты.

— Я вызываю дежурного, — сказала она. — Решайте при нём. Я мать от двери больше не отгоняю.

Лея уже была внутри. Она потянулась к Ною, зацепила провод; прибор подал тревогу. Женщина с лотком отставила его и помогла снять датчики. За стеклом двинулась охрана. Мара шагнула к проходу, загородив его стойкой с бельём.

— Не трогайте их, — сказал Антон охраннику. — Есть распоряжение суда. Включайте свою запись тоже.

Ной заплакал. Автоматическое объявление над дверью оборвалось. Свет горел, приборы работали, а голос всё пытался начать фразу заново. Пришедший врач подошёл к пульту и выключил его. В наступившей тишине плач стал громче.

— Дайте мне ребёнка осмотреть, — сказал он Лее. — Вы рядом. Две минуты.

Лея позволила врачу осмотреть Ноя, но не выпустила его из рук. Срочных причин оставлять малыша в центре врач не нашёл. Пока он записывал заключение, из суда пришло второе распоряжение: ребёнка немедленно вернуть матери. Зарецкий прочёл его дважды, затем велел охране отойти.

На выходе их всё равно задержали для проверки документов. Лея держала Ноя под своей кофтой, Мара требовала подписанную копию выписки. Минуты уходили одна за другой. Антон не верил, что сейчас их действительно выпустят, пока за спиной не закрылась наружная дверь.

На улице шёл тёплый дождь. Они сели в машину на другой стороне корпуса. Глеб забрал у Антона телефон, сохранил документы и выключил его. До полуночи требовалось найти место, где Лея сможет накормить ребёнка и поспать. Домой она возвращаться отказалась.

Глава 7

Семь имён

Лея не спала до утра. Мара принесла складную кровать, Глеб нашёл чистое одеяло, но Ной оставался у неё на руках. Когда он засыпал, она прислушивалась к дыханию. Когда просыпался — к шагам над потолком.

Их пустил в подвал старого театра его бывший осветитель. Мужчина ещё присматривал за зданием и иногда разрешал местным ребятам репетировать в малом зале. Сейчас наверху было пусто. Внизу, за грудой декораций, нашлись раковина, стол и две раскладушки.

Лея провела пальцем по трубе под потолком, подставила ладонь потоку воздуха, проверила воду.

— Здесь холоднее, чем наверху, — сказала она. — Но сырость. Кроватьку от стены отодвиньте.

Антон передвинул кроватьку. Лея всё равно в неё не положила сына.

Мара поставила рядом чашку.

— Он дома уже, — сказала она и запнулась. — То есть с тобой.

— Я знаю.

— Давай я подержу. Ты поспишь.

— Я знаю, что ты можешь подержать.

Мара отступила. На нарисованном море за её спиной расходился шов. Когда-то здесь включали вентилятор и полотно шевелилось, изображая волны. Антон помнил спектакль: Нина водила на него Илью, а он пришёл только к концу. Сын вышел тогда из зала и сказал, что там был настоящий шторм.

Теперь под этим морем Лея прятала ребёнка.

Ближе к шести Ной крепко уснул. Лея осторожно опустила его в кроватьку и осталась рядом на полу. Спина болела, но на раскладушку она не пошла. Антон сложил одеяло и подал ей под локоть. Она кивнула, не открывая глаз.

На телефоне было сорок семь пропущенных вызовов. Сын звонил один раз.

Антон поднялся в пустой зал и сел с краю. До условленного воскресенья ещё оставалось время. Он всё равно позвонил.

— Пап?

— Разбудил?

— Я собирался на занятия. У нас сегодня макеты принимают.

Антон не знал про макеты. Он спросил, какой сделал Илья.

— Двор. Вода после дождя собирается под площадкой, потом идёт на полив. Я же присылал.

— Посмотрю ещё раз.

— Угу.

На той стороне щёлкнула молния. Сын двигался по комнате, разговаривая с ним, как с фоном. Раньше Антон именно так разговаривал с Ниной.

— Ты в новостях, — сказал Илья.

— Знаю.

— Там показывали, как вы в центр вошли. Мама сказала, это опасно.

— Она права.

— Вы забрали его?

— Да. Он с матерью.

Сын замолчал. Антон услышал, как скрипнула входная дверь.

— У нас один говорит, что она сама виновата. Надо было сначала разрешение получить.

— А ты что ответил?

— Ничего. Это обязательно?

Антон прикрыл глаза. Он уже успел захотеть, чтобы сын выступил на его стороне. Даже сейчас.

— Нет. Не обязательно.

— Я просто не понял, почему он виноват. Мальчик. Он же ничего ещё не сделал.

— Я тоже не понял.

В зале скрипнула дверь. Мара показала, что пришла Вольская. Антон поднял палец: подожди.

— Я в воскресенье позвоню, — сказал он. — В шесть удобно?

— Удобно. Только если не можешь, напиши заранее. Не надо, чтобы я ждал.

— Напишу.

— И макет посмотри. Там во втором файле. Первый кривой.

Антон дождался, пока сын отключится, и нашёл второй файл. Картонный двор был снят сверху. Возле одной скамейки стояли две маленькие фигурки. Он приблизил снимок, потом закрыл его: Вольская ждала в проходе.

Она принесла большую хозяйственную сумку. Снизу торчала бутылка воды, сверху лежала папка.

— Вы просили оригиналы, — сказала она. — По сети их уже не получить.

— Что случилось?

— Мне закрыли половину дел. К завтрашнему дню закроют остальные.

Она села через кресло, достала папку. Антон увидел проект нового распоряжения. Шестерым оставшимся в живых детям предлагалось назначить один и тот же режим: постоянное наблюдение, ограниченные посещения, никакого возвращения в семьи до окончания проверки.

— Срок? — спросил он.

Вольская покачала головой.

Антон стал перелистывать сам. В конце нашлось место для даты начала. Места для даты окончания не было.

— Они называли это осмотром, — сказал он. — Вчера. На час.

— Вчера им нужен был час. Теперь хотят, чтобы никто больше не мог потребовать вернуть детей.

Он вспомнил Лею на полу. Ту секунду, когда увидел её пустые руки.

Вольская поставила воду у кресла.

— Я тридцать лет говорила сотрудникам: если сомневаетесь, сначала исполняйте, потом оспаривайте. Ты ведь у меня научился.

— Не только у тебя.

— Но и у меня.

Она сняла очки. Одна дужка держалась на крошечном винте другого цвета.

— Вчера мне прислали твою запись. Я посмотрела, как мать стоит у двери. Потом закрыла. Потом снова включила. Охрана не грубила, врач был рядом. Все работали правильно. А она не могла взять своего ребёнка.

Антон ничего не сказал.

— Где они? — спросила Вольская.

В подвале Лея сразу встала. Ной спал; она закрыла его собой раньше, чем разглядела гостью.

— Она принесла документы, — сказал Антон.

— Они всегда с документами.

Вольская осталась у лестницы.

— Я могу уйти. Только воду оставлю. И телефон педиатра. Это обычный врач, он придёт, если вы сами захотите.

Лея взяла номер.

— Вы можете сделать, чтобы к нам больше не приходили?

— Одна не могу.

— Тогда помогите ему, — сказала Лея, кивнув на Антона. — Он всё время просит ещё день. У меня уже нет этих дней.

Глеб позвал их к столу. Он получил по запросу суда копию записи из центра и теперь сравнивал её с телефоном Антона. На одном экране Лея тянулась к Ню. На другом происходило то же самое. Охранник поднял руку, медсестра шагнула в сторону.

Сначала Глеб включил телефонную запись. Послышался плач.

Потом служебную. Взрослые продолжали говорить, а ребёнок исчез.

Лея села.

— Ещё раз.

Глеб повторил. Мара отвернулась к нарисованному морю.

— Здесь написано, что достоверного события не было, — сказал Глеб. — Вот эту короткую справку получают дальше. Весь звук остаётся в архиве. Людям некогда переслушивать часы, они читают итог. А в итоге Ной молчал.

— Вчера мне сказали, что он не плачет, — произнесла Лея. — По телефону. Пока я ехала. Что он спокоен и я только помешаю.

Антон попросил её вспомнить время звонка. Она достала телефон, открыла список. Палец не слушался. Он подождал.

Время совпало.

Глеб убрал руки от клавиатуры. Он не стал говорить, что всё ясно. Долго сидел, глядя в стол.

— Ты знал про этот фильтр? — спросила Мара.

— Я работал с другой частью программы.

— Я не это спросила.

— Знал, что неподтверждённые звуки отсеивают. Думал — машины, фон. Там так и было написано.

Он открыл журнал и начал копировать строки. На третьей попытке перестал ошибаться.

Пока Глеб собирал файлы для суда, Мара разложила на столе семь карточек. На одной была фотография её сына. На другой — Рая, ещё в роддомовской пелёнке. У Саши фотография отсутствовала.

— Мать не разрешала распространять, — объяснила Мара. — Правильно сделала.

Лея смотрела на карточки. Впервые с ночи она отодвинулась от кровати больше чем на шаг.

— У Тома мать с ней?

— Да.

— А у Раи кто?

Мара покачала головой.

Лея взяла карточку, подержала и положила обратно. Ной шевельнулся, она сразу повернулась к нему. Он снова заснул.

В суд отправили обе записи. В сеть — короткий фрагмент с закрытыми лицами детей. Лея разрешила использовать плач Ню и сама прослушала то, что собирались опубликовать. Антон уже держал палец над кнопкой, когда она попросила остановиться.

— Там, где я кричу. Оставьте тоже. Чтобы не получилось, будто я просто стояла и ждала. Он вернул начало.

Через семь минут запись удалили. Ещё через четыре она появилась снова, уже на других страницах. Театральный сторож принёс им телефон: ролик прислала его дочь, не зная, кого он прячет в подвале.

Глеб читал комментарии. Потом закрыл. Там снова спорили о будущем, о стране, о ценах на воду. Но некоторые спрашивали только одно: почему из записи вырезали ребёнка?

К вечеру Селиванова перенесла заседание на ближайшее утро. До него оставалось пятнадцать часов. Семь дней, на которые надеялась Лея, кончились, не успев начаться.

Она встала, взяла пустую бутылочку и пошла мыть её у раковины. Антон хотел сказать что-нибудь обнадеживающее, но увидел, как точно она отмеряет воду, и промолчал. Ноя всё равно нужно было кормить. Даже в ночь перед судом.

Глава 8

Верните его матери

Вера Павловна ждала у входа в зал с пакетом пирожков. Антон увидел её первой и на секунду забыл, куда шёл.

— Вы как здесь?

— На автобусе. Долго. Из той комнаты, которую мне дали, ещё дольше было бы.

— Вы туда не переехали?

— У сестры живу. Не начинайте сейчас.

Она заглянула в переноску. Лея отодвинула край покрывала.

— Это он?

Антон кивнул.

— Здравствуй, — сказала Вера Павловна. — Я тоже им помешала. Ты хоть маленький, у тебя сил больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.